

южной лексики и синтаксису. Прослежены исторические связи южных говоров, а также их отношение к литературному таджикскому языку и другим группам таджикских говоров. Уточнена классификация южных говоров. Введен в научный и практический оборот богатейший языковой материал южного ареала. Издание несомненно будет способствовать решению проблем культуры таджикской речи. Коллективный труд «Южные таджикские говоры» — весомый вклад в таджикское языкознание и в иранистику в целом.

Керимова А. А., Молчанова Е. К.

Рубинчик Ю. А. Основы фразеологии персидского языка. Отв. ред. Расторгуева В. С. — М.: Наука, 1981. 275 с.

1. Гаффаров Р. Синтаксис таджикских говоров в сравнительном освещении (простое предложение): Автореферат дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук. Душанбе, 1980, с. 10.
2. Белицын А. П. О некоторых предложениях с обособлением в персидском языке. — В кн.: Индийская и иранская филология. Вопросы грамматики. М., 1976, с. 37—48.

В последние десятилетия возрос интерес советских и зарубежных ученых к изучению фразеологии иранских языков, как распространенных в СССР, так и за его пределами (таджикского, осетинского, памирских, курдского, персидского, пушту, дар и др.). Советские иранисты вносят весомый вклад в разработку теории фразеологии, о чем красноречиво свидетельствует рецензируемый труд Ю. А. Рубинчика, представляющий собой основополагающее исследование по персидской фразеологии.

Неоспоримое достоинство монографии состоит в том, что в ней впервые на материале одного из наиболее распространенных иранских языков с древней литературной традицией — современного литературного персидского — разработаны и приведены в определенную систему наиболее важные теоретические положения, касающиеся фразеологии этого языка, обобщены имевшиеся до этого в отечественной и зарубежной лингвистической литературе сведения и введены в научный оборот новые конкретные факты, подвергшиеся в работе строгому научному анализу, определившему их статус и место в исследуемой фразеологической системе. Системность, строгий учет объективных критериев каждого описываемого явления позволили, по нашему мнению, автору максимально избежать субъективного подхода при интерпретации персидских фразеологических единиц (ФЕ), их структуры, семантики и функционирования.

Посвящая работу синхронному описанию структурно-семантических типов персидских ФЕ, автор убедительно показывает и отстаивает целесообразность широкого понимания объема фразеологии. Такой подход позволяет автору в рамках границ фразеологии рассматривать наряду с устойчивыми словосочетаниями, функционально аналогичными слову (номинативу) и не вызывающими споров, также и устойчивые фразеологизмы-предложения (ФП) с коммуникативным характером фразеологического значения, в том числе пословицы и поговорки; наряду с эмоционально-экспрессивными,

или «метафорическими», ФЕ — и обороты стилистически нейтральные; наряду с идиомами, компоненты которых пересмыслены, — и ФЕ неидиоматического характера, в том числе составные термины.

Широкое понимание объема фразеологии представляется нам правомерным. Фразеологическая наука шагнула вперед, и нет надобности доказывать, что разработка ее теории проводится ныне на материале устойчивых словесных комплексов как со структурной словосочетания, так и предложения. Ибо, как справедливо утверждает автор, ни номинативная (в том числе специальная у составных терминов), ни коммуникативная функции устойчивых единиц (в соответствии с характером их фразеологического значения) не противоречат их фразеологичности, т. е. воспроизводимости в качестве готовых единиц языка (с. 21). Наблюдения над фразеологическими единицами многих языков, в том числе иранских, показывают также, что автор рецензируемого труда прав в своем утверждении, что «фразеологичность не обязательно создается семантической перестройкой компонентов» и что не всем персидским ФЕ, даже идиомам, присуща эмоционально-стилистическая окрашенность, которая и не является свойством общефразеологическим (с. 14). Четкая позиция автора, основанная на широком понимании объема фразеологии, дала возможность сделать новый шаг к выявлению и изучению фразеологического состава персидского языка, включая сюда так называемые моделированные образования (именные, глагольные, ФП) — «устойчивые сочетания слов серийного типа, построенные по определенным структурно-семантическим моделям ограниченного характера» (с. 15).

К определению понятия фразеологизма Ю. А. Рубинчик подходит комплексно, с учетом различных семантических и структурно-грамматических признаков устойчивости («важнейшего дифференциального признака ФЕ», с. 16) как свойств общефразеологических. Не без основания к таковым он относит те, что создают

фразеологичность словесного комплекса, его воспроизводимость в готовом виде: постоянство лексемного состава, допускающего вариантную замену компонентов в пределах их инвариантности: устойчивость целостного значения, которое даже у ФЕ неидиоматического характера хотя и выводится из значений компонентов, не является простой их суммой в силу своей постоянной денотативной соотносительности; ограничение изменчивости морфологических форм компонентов вплоть до полной утраты ими парадигматических свойств; устойчивость и неизменяемость синтаксической структуры, проявляющаяся в каждом из структурных типов ФЕ по-особому (с. 16—19). Эти признаки составили данное автором определение фразеологической единицы (с. 27).

Иные, порой весьма броские признаки ФЕ, в частности эмоциональная и экспрессивно-стилистическая окрашенность, номинативная и специально-номинативная функция, коммуникативный характер значения и пр., действительно, как показывают наблюдения над фразеологизмами иранских языков, не могут быть отнесены к свойствам общefразеологическим. Поэтому нельзя не согласиться с исследователем, учитывающим эти свойства лишь как характерные для отдельных структурно-семантических типов и разновидностей персидских ФЕ и не являющиеся общefразеологическими.

Успешно, по нашему мнению, решены на материале персидского языка такие важнейшие проблемы фразеологии, как семантическая и структурная классификации ФЕ. Эти вопросы не были предметом специального изучения на материале иранских языков.

Существенным в связи с этим представляется положение автора о том, что наиболее общее значение ФЕ обуславливается не только ее структурой, т. е. «синтаксическим строением», но и «функцией в контексте», которая не всегда определяется строением фразеологизма. Потому при определении общего значения ФЕ со структурой словосочетания как номинативного (*zān-e dāl* «горе»), а со структурой предложения — как коммуникативного (*gūh-ām bā sho-mā-st* «я вас слушаю») отмечается, что некоторые ФЕ предикативной структуры обладают в современном языке только номинативной функцией, а, стало быть, и таким же значением (*bā hār āysile-yi-ke'bud* «любой ценой») (с. 29—30).

В основу семантической классификации ФЕ по степени спаянности в работе положен метод компонентного анализа (выводимость/невыводимость общего значения из значений составляющих), зарекомендовавший себя и при исследовании фразеологии других иранских языков, в частности, таджикских именных фразеологизмов. Автор широко пользуется термином «фразеологическое значение». В соответствии с тремя его видами среди различных структурных типов персидских ФЕ выделяются немотивированные, частично мотивированные и мотивированные единицы, т. е. фразеологизмы с фразеологическим значением нем-

тивированным, частично мотивированным или мотивированным (т. е. выводимым из значений компонентов и, следовательно, наименее слитным). Проанализированный в монографии материал показал, что отдельным структурно-грамматическим разнообразием персидских ФЕ свойственным не все виды фразеологического значения. Так, в силу структурно-семантических особенностей лексемного (компонентного) состава общее значение предложных ФЕ-повторов (*an bā an* «ежеминутно», *mū bā mū* «детально») может быть лишь мотивированным или немотивированным (с. 74) в отличие от изафетных ФЕ (*dār-ē bāz-ē sabā* «соблазн»), обладавших всеми видами общего значения (с. 51—70); фразеологизмы-предложения состоят из немотивированных и частично мотивированных ФП (с. 219) в отличие, например, от немотивированных, частично мотивированных и мотивированных МГФ — многочисленных глагольных фразеологизмов (с. 198—204).

Структурная классификация персидских ФЕ имеет, наряду с семантической классификацией, принципиальное значение для определения семантико-грамматической типологии фразеологизмов. На материале иранских языков в работе осуществлена детальная и комплексная научная разработка всех видов ФЕ-словосочетаний (именных, глагольных, союзных) и ФЕ-предложений, дающая ясное представление о фразеологической системе персидского языка в целом.

Приходится сожалеть, что в монографии отсутствует анализ союзных ФЕ, опущенных автором из соображений экономии места. Думается, следовало дать хотя бы краткое описание этой разновидности ФЕ под тем же углом зрения теории фразеологии, как и всех представленных в этой ценной работе, что желательно учесть при ее переиздании.

Основные исходные положения книги автор четко изложил в небольшой, но чрезвычайно важной в теоретическом отношении первой части исследования (с. 7—38), последовательно проводя их и подкрепляя богатым, как уже говорилось, конкретным материалом остальных трех частей монографии, где дан scrupulous анализ структурно-грамматических типов ФЕ — именных (с. 39—112), глагольных ФЕ (с. 113—201) и фразеологизмов-предложений (с. 202—259), — их семантико-грамматическая типология и особенности функционирования.

Монография компактна и насыщена по содержанию. Рассмотрим еще ряд положений и деталей, существенных для теории фразеологии иранских языков, а, значит, и общей теории фразеологии.

В работе обосновывается отнесение к составу именных ФЕ не только устойчивых словесных комплексов, в основе которых лежат виды подчинительной связи (изафетные, предложные, с примыкающей связью), но и так называемых копулятивных ФЕ с сочинительным союзом *vā/o* в качестве конструирующего элемента. Известны особые трудности разграничения сложных слов и фразеологизмов на материале указанных комплексов. Автор рецензируемой моногра-

фии, проанализировав морфологические (показатель мн. ч. *ha*) и формальные критерии разграничения сложных слов и копулятивных ФЕ (замена *o* на *ea*, перестановка компонентов и др.), справедливо отрицает их универсальность ввиду малой пригодности в трудных случаях из-за «...нечеткости самих средств выражения исследуемых явлений языка» (с. 84): лишь ФЕ с элементом *ea* четко отличаются от сложных слов с интерфиксом *o*. Разграничению этих, как и прочих сочетаний, по мнению автора, до некоторой степени способствует их просодическая структура: акцентная структура, при которой главное ударение — на последнем слоге второй части, свойственна сложным словам; в ФЕ же первый компонент имеет самостоятельное ударение, перед вторым — возникает пауза. Отмечается и промежуточное положение копулятивов (и иных структур) между сложными словами и ФЕ (с. 80—90).

Подробно рассматриваются в монографии особенности двухчленных и многочленных глагольных фразеологизмов. Предпринята попытка раскрыть природу сложных глаголов (СГ) и описать фразеологические и аналитические свойства этой «фразеолого-грамматической категории» (с. 114—173).

Свойства, отличающие СГ от сложных слов и объединяющие их с устойчивыми словосочетаниями (сохранение ударения в компонентах, возможность дистантного их положения и образования рамочной конструкции, инверсия, вариантная замена и пропуски глагольного компонента и др.), говорят о целесообразности отношения СГ не к словам, а к ФЕ.

Впервые на материале иранских языков научное обоснование получил структурный тип «фразеологизмы-предложения» (ФП), в основе целостного значения которых лежат, как отмечает автор, такие формы мышления, как суждение, умозаключение, вопрос и другие, в отличие от общего значения ФЕ-словосочетаний, основанного на понятии (с. 207). В книге уделено внимание различию ФП и глагольных ФЕ, что особенно важно ввиду все еще продолжающегося их смешения. Наблюдая природу этих единиц, автор находит, что «...глагольные ФЕ обладают двумя формами существования — инфинитивной и личной»: первая возможна при их номинативной функции, вторая, — когда они выступают как единицы сообщения. Для ФП инфинитивная форма практически невозможна, глагольный компонент в его составе выражается также личной (застывшей) формой (с. 205—206).

Большое значение для понимания структуры и особенностей функционирования многих ФП и глагольных ФЕ имеет вопрос о рамочной конструкции (РК) (*нияз-аш кунэ кярд* «ему повелоз», с. 215), который детально разработан автором с привлечением большого фактического материала (с. 173—192, 196—198, 216, 220 и сл.). Данная им характеристика разновидностей РК (факультативная, постоянная), а также ее виртуально и актуализованной форм (соответственно на языковом и речевом уровнях)

применима и к фразеологии других языков.

Как особый разряд ФП рассматриваются автором пословицы и поговорки (с. 240—247) на том основании, что последние обладают типичными фразеологическими свойствами: качественной и количественной определенностью лексического состава и грамматических форм, устойчивостью традиционного смысла, воспроизводимостью. Это проявляется в невозможности свободного обращения со словами и структурой выражения и поддерживается устойчивостью грамматических форм глагольного компонента, архаичностью ряда элементов, эллиптической структурой некоторых из них.

Вопросы, вызывающие особый интерес у иранистов (природа СГ, пословиц и поговорок и др.), не раз еще станут предметом оживленного обсуждения. В целом основные теоретические положения рецензируемой монографии относительно объема и границ фразеологии, структурно-семантического построения и особенностей функционирования ФЕ, методика их исследования и практические приемы анализа конкретного (персидского) материала имеют существенное значение для изучения фразеологии всех иранских языков, особенно таджикского, фразеологическая система которого обладает общностью с родственным персидским. Вместе с тем сопоставление материала монографии с таджикскими ФЕ показывает, что определенная часть ФЕ характерна только для фразеологического состава современного персидского языка и не свойственна современному таджикскому литературному языку, например:

таджид-э нэзир кярдан «менять свою точку зрения», *ал бабäрд-ät!* «черт тебя поberi!», *падäр-äm пиш-е чешм-äm амäд* «я изнемог», *дорүз-э шахдар* «явная ложь», *härf-ät пиш нэмирääd* «с тобой не считаются», *аһäн-э сäрд кубидän* «делать бесполезное дело», *бад-э борут* «мужское достоинство», *си сал!* «никогда в жизни!», *падäр бär падäр* «из поколения в поколение», *па-во нär* «стойкость», *кисиф кярдän* «пачкать», *чешм-э ма рошän!* «с приездом!» и мн. др. Наблюдаются и некоторые интересные несовпадения в частностях, также обусловленные характерными особенностями грамматического строя, лексико-семантических и иных процессов в этих языках и обнаруживающие специфику их фразеологических систем. Так, в современном таджикском литературном языке отсутствуют СГ с именной частью (ИЧ), выраженной инфинитивом, подобно персидскому *дидän кярдän* «посеять» (с. 137). Менее распространены здесь устойчивые образования с ИЧ — арабскими причастиями без самостоятельного употребления типа *молtäфät шодän* «замечать, понимать» (с. 133—134). Есть различия в семантической соотнесенности сложных глаголов с простыми: СГ в таджикском реже являются синонимами простых (*мäргум даштän*, син. *нэзистän* «писать»); но они предпочтительней простого глагола там, где персидскому СГ соответствует его полный эквивалент — простой глагол, производящей основой которого яв-

ляется ИЧ того же СГ (*джэ́нг кя́рдэ́н* — *джэ́нгидэ́н* «воевать») (с. 122—123). В некоторых случаях не совпадают компонентирующие глаголы: *тэ́йе зя́дэ́н* «опираться» (с. 158), *тэ́лефон кя́рдэ́н/зя́дэ́н* «звонить по телефону» (с. 128) в таджикском известны лишь с глаголом *кардан*; в персидском недопустимо сочетание *та́брик* и *кя́рдэ́н* (с. 25), в таджикском же свободно варьируется *та́брик кардан/наму́дан* «поздравлять».

Таким образом, подобные монографические исследования ценны и для сравнительно-типологического изучения языков, в частности, на фразеологическом уровне.

Отметим, что рецензируемая работа имеет и большое практическое значение. Многие ее положения могут быть использованы при решении некоторых спорных вопросов лексикографии, разработке теории перевода, а также при написании учебников и учебных пособий по персидскому языку. В ней представлена стройная система терминологии, удобны и приемлемы условные сокращения наиболее употребительных терминов.

Значительная работа, подобно рецензируемой, — всегда поиск, потому неизбежны и отдельные недочеты. Не совсем

удачно, например, по нашему мнению, назван «переменным» (с. 32 и сл., 102, 106, 108, 154) один из обязательных компонентов в лексемном составе моделированных ФЕ. Его следовало бы, возможно, именовать «немоделирующим» в противовес их моделирующему компоненту. В литературе «переменным» компонентам/членам, не входящим в лексемный состав ФЕ, но связанным с ее структурой и значением (т. е. «вставочному компоненту» — ВК, по терминологии автора), противостоят «постоянные». Сам автор квалифицирует ВК как «непостоянный» (с. 118), «переменный» (с. 176) член ФЕ.

Неясно также, каким образом «...ФЕ может иметь все значения переносные...» (с. 33), ведь термин «переносное значение» предполагает наличие непереносного, прямого.

В заключение еще раз подчеркнем большое теоретическое и практическое значение фундаментального труда Ю. А. Рубичика. Выражаем надежду, что автор в дальнейшем обратится и к теории лексикографической интерпретации ФЕ, имеющей прямое отношение к разработке основ персидской фразеологии.

Хушенова С. В., Гаффаров Р.

Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. (Глагол). — Л.: Наука, 1981. 182 с.

Рецензируемая работа составляет продолжение труда того же названия, первая часть которого была посвящена имени [1]. В данной работе объектом исследования выступают важнейшие грамматические категории глагола, имеющие общетюркский характер. Форма «очерков», как представляется, обусловлена современным состоянием разработки сравнительно-исторической грамматики тюркских языков, в частности морфологии, которое требует внимания прежде всего к интерпретации узловых проблем развития грамматической системы и воссоздания ее прототипа. Задача подобного исследования — предложить ключ к верификации развития; морфологических систем конкретных тюркских языков и укрепить фундамент для разработок на большую историческую глубину. В экспликации наиболее спорных фундаментальных положений сравнительной грамматики тюркских языков нам видится отличие данной работы от аналогичных и пока немногочисленных работ в тюркологии. Методика исследования строится как восхождение от установления современного состояния к общетюркскому, характеризовавшемуся грамматическими подсистемами в целом современного типа, т. е. реконструируется поздний хронологический срез общетюркского состояния.

Особенность морфологической системы тюркских языков (незатемненность морфемы, четкий морфемный шов в слове, преимущественно однозначное соответствие аффикса и грамматического значения и др.) позволяет в модели реконструкции общетюркского состояния опираться на

материал всех тюркских языков. Это объясняет опору прежде всего на данные современных языков и их диалектов, колоссальный охват которых составляет одну из примечательных черт рецензируемого труда. Глубина реконструкции в данной работе ограничена только общетюркским языковым состоянием. Алтайстическая проблематика автором отвергается как по принципиальным соображениям (отсутствие генетического родства), так и в силу убеждения в том, что решению алтайской проблемы должно предшествовать определение пратюркского состояния. Вместе с тем следует отметить, что автор не отвергает возможность тюрко-монголо-тунгусских морфологических заимствований как один из подходов к алтайской гипотезе.

Работа включает краткое «Предисловие» (с. 3—4), в котором автор подчеркивает единство методов описания и принципов интерпретации в обеих частях «Очерков»; «Сокращения» названий памятников, грамматик, словарей, специальных работ, использованных автором (с. 5—7); «Введение» с двумя разделами: «К вопросу о происхождении глагола в тюркских языках», где снова затрагивается вопрос об изначальном синкретизме именных и глагольных основ, и «Общие замечания о морфологии глагола» с анализом морфологической структуры глагольной словоформы и ее развития на фоне разграничения имени и глагола (с. 8—21). Глава I (с. 22—138) посвящена формам словоизменения — полновербальным (финитные формы) и формам неполной вербальности, к кото-